

ФАВОР

или бабушкин внуκ

ПЕТР НЕМИРОВСКИЙ

Петр Немировский

Фавор или бабушкин внук

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Немировский П.

Фавор или бабушкин внук / П. Немировский —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В предлагаемый новый сборник «Фавор или бабушкин внук» вошли повесть «Фавор или бабушкин внук» и роман «По нью-йоркскому времени». Повесть «Фавор или бабушкин внук» Герой повести – Натан, писатель средней руки, еврей из Литвы, давно живущий в Нью-Йорке, едет в Израиль, где в доме престарелых осталась его девяностолетняя бабушка. Встреча родных людей – бабушки и внука, никогда не любивших друг друга, происходит в суровое время арабского террора. Эта повесть о том, что любовь может преодолеть любые преграды в человеческом сердце, но ее время ограничено недолговечностью человеческой жизни. Роман «По нью-йоркскому времени» Время действия романа – конец девяностых годов, когда Америка переживала неслыханный экономический подъем. В основе повествования лежат реальные события: нашумевший суд в Нью-Йорке над российским воровским авторитетом Славой Япончиком и обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже. Автору удалось соединить, казалось бы, несоединимое: реализм и мистику, сухую публицистику и поэтику высокой любви…

© Немировский П.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
ФАВОР ИЛИ БАБУШКИН ВНУК	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Петр Немировский Фавор или Бабушкин внук

ОБ АВТОРЕ

Петр Немировский – 1963 года рождения, киевлянин, выпускник факультета журналистики Киевского университета. С 1995 года живет в США. В Америке первое время занимался журналистикой. Потом овладел специальностью нарколога/психотерапевта и уже более десяти лет работает в наркологических лечебницах Нью-Йорка.

Свой первый рассказ Петр Немировский написал в 1999 году. С тех пор, по признанию самого автора, началась его настоящая жизнь.

Повести Немировского написаны в такой манере, что у читателя возникает впечатление, будто он находится в кинозале, где смотрит классные американские фильмы.

Для писателя Немировского не существует «распада связи времен», нет пропасти между поколениями, мироощущение современного сорокалетнего человека не противоречит и даже прямо вытекает из мироощущения предшествовавших поколений.

Во времена информационно-коммерческого бума и тотальной политизации социальных сетей, очень странно открыть книгу и прочитать в ней то, о чем не успеваешь или просто стараешься не думать. О том, что заставляет вспомнить, кто ты и для чего пришел в этот мир...

Петр Немировский автор книг «На том берегу», «Однажды в Чистый понедельник», «Босиком по Нью-Йорку», «Возвращение колдуна» и «Нью-Йоркский бомж».

В предлагаемый новый сборник «Фавор или бабушкин внук» вошли повесть «Фавор или бабушкин внук» и роман «По нью-йоркскому времени».

ФАВОР ИЛИ БАБУШКИН ВНУК

Повесть

Глава 1

Нью-Йоркский аэропорт «Кеннеди». Знаменитый JFK. Суэта, чемоданы и сумки на колесиках, объявления о вылете и посадке. Кому возвращаться домой, кому – дом покидать. Кому встречать, кому – расставаться. Одним – слезы радости, другим – печали. Неискоренимое, пока существует род человеческий, стремление к перемене мест, к странствиям. А вдруг что-то там, за океаном? За горной грядой? За облаками?..

Все одеты по-весеннему – апрель на дворе.

Участок израильской авиакомпании «Эль-Аль» огорожен синей лентой. Меры предосторожности. У входа – двое молодых мужчин из службы безопасности авиаперелетов, проверяют документы. Взяв у Натана его американский паспорт и билет, смерив его взглядом, начали задавать вопросы:

– Зачем и к кому вы едете? Вы бывали в Израиле раньше? Почему у вас открытый билет?

По мере нарастания вопросов, Натан догадался, что сейчас так легко не отделается. Отвечал с предельной ясностью:

– В Израиле жили мои родители и сестра. Пять лет назад они уехали в Канаду. В Израиле, в доме престарелых, осталась моя бабушка. Недавно она перенесла операцию. Вы понимаете, да? Почему у меня открытый билет? Потому что не знаю точно, сколько там пробуду: может, неделю, может, месяц.

– Вы – не американец, не так ли?

– Да, я родом из Литвы. Еврей, но мой родной язык – русский. Еще говорю по-литовски и, как вы успели заметить, по-английски.

– О’кей, о’кей. Кем вы работаете?

– Я не работаю. Вернее... Я – писатель.

Он умолк. С чего вдруг он так распинается перед этими двумя самовлюбленными индюками, изображающими из себя суперагентов? Ведь понятно – он им не понравился. И все тут. А уж к этому, первому, чувству обычной человеческой неприязни, порою ошибочно принимающему за профессиональное чутье, можно добавить и целую груду рациональных объяснений.

А, может, и вправду – есть что-то подозрительное в этом худощавом, невысоком мужчине сорока лет по имени Натан Армель? Одет, впрочем, обычно и по сезону: в джинсах и куртке. Черные густые волосы зачесаны назад. Но какой-то он не такой. Хоть и улыбается не нагло, не во весь рот, а как-то по-доброму, даже печально. Но очень странная задумчивость на его лице, какая-то отрешенность во взгляде его серых глаз. И без шапки.

– Знаете ли вы какие-либо еврейские праздники?

– Разумеется, знаю: Пасха, Ханука, Йом-Кипур.

– Что вы знаете про Йом-Кипур?

– Вы, ребята, экзаменуете меня по иудаизму? Может, позовем сюда еще и раввина? – он провел пальцем по своему тонкому носу с горбинкой. Хмыкнул. «Все, сейчас они мне устроят».

И был совершенно прав. Вскоре, раздетый по пояс и босиком, стоял на резиновом коврике в каком-то подземном бункере знаменитого аэропорта. Сотрудники службы безопасности тщательно проверяли все его карманы, ощупывали подкладку куртки, даже пряжку ремня, рылись в его багаже.

«Приключения начались уже в аэропорту. Символично».

Однако все обошлось: у него не нашли ни бомбы, ни пистолета. Извинившись за причиненный дискомфорт, пожелали счастливой дороги.

Зарегистрировав билеты, он остановился возле таможни. Там, у подковообразных металлических детекторов, общее волнение достигало своего пика. Там – и последние поцелуи, и слезы, и прощальные взмахи рук. Бог ты мой! Сколько маленьких и больших трагедий разыгрывается на этом пятаке таможни, в Нью-Йоркском аэропорту «Кеннеди», как, впрочем, и в любом другом международном аэропорту?!

Глава 2

В Израиле до этого он бывал дважды, короткое время гостил у родных. В последний раз – пять лет назад, перед их переездом в Канаду. Зачем летел в этот раз? – Действительно навестить бабушку Лизу, которая недавно сломала шейку бедра и перенесла операцию. Должна была лететь мама, но сестра Светка в Канаде только-только родила третьего ребенка, страдала от сильной послеродовой депрессии, и мать с отцом ей были нужны в помощь. Поэтому мама попросила Натана слетать в Израиль и «морально поддержать бабушку». Предложила оплатить дорогу и нашла через знакомых квартиру, где ему остановиться.

Он согласился. Почему бы нет? В Москве недавно была издана его третья книга, в Нью-Йорке готовился к печати его второй сборник, в английском переводе. Он только что закончил свой последний роман. Требовался отдых. Нужно было отвлечься, обдумать новые работы.

Была еще одна деликатная, но весьма серьезная причина для этой поездки. Его жена Аня не могла забеременеть. Не получалось. Не первый год пытаются, столько потрачено нервов, денег! Ходили по разным врачам, Аня перенесла две легкие операции, которые тоже ничего не дали, и без которых, скорее всего, можно было бы обойтись. Делала различные тесты, принимала таблетки. Безрезультатно. Врачи сами толком не знали, в чем причина ее бесплодия.

Сделали попытку искусственного оплодотворения, которая съела больше половины их сбережений. Опять впустую. Оставался последний вариант: тоже искусственное оплодотворение, но в пробирке, по самым последним технологиям. Однако такая процедура в Штатах стоит очень дорого и гарантий никто не дает. А в Израиле, говорят, для граждан страны такое делают бесплатно.

Аня, при всей своей любви к Америке, где выросла (родители привезли ее в Штаты, когда ей было семь лет), узнав, что в Израиле бесплатно делают искусственное оплодотворение, была готова и на переезд. Натан четкого мнения на этот счет не имел. Но согласился еще раз поехать в гости и разузнать там все на месте.

Словом, все как-то соединилось, сошлось в пользу этой поездки.

А что насчет Елизаветы Марковны, которую Натан почти всегда называл – бабой Лизой, и крайне редко – бабушкой? Хотел ли действительно ее навестить? Честно говоря, нет.

Он считал, что баба Лиза никогда не дарила внуку своей любви, которую он заслуживал. Вот так бывает: единственный внук, которого назвали в честь ее погибшего мужа. В детстве, вроде, был хорошим мальчиком, с кудрявыми волосиками и ямочками на щеках.

Но почему-то баба Лиза ни во что не ставила его ямочки и кудряшки. Всю свою любовь отдала своей младшей внучке. Для Светки у бабы Лизы находились самые нежные слова – и «изюминка», и «бусинка».

Как-то баба Лиза подарила внучке рояль, новый, немецкий. Сама водила ее в музыкальную школу. Когда Светка исполняла на рояле Моцарта или Шопена, дома перед гостями или в музыкальной школе на концертах, баба Лиза почти всегда плакала. Долгое время Натана раздражали эти ее слезы умиления. Быть может, потому, что сам он музыкального слуха не имел, на музыкальных инструментах не играл и во время этих концертов сидел где-то в углу.

Но однажды, во время одного такого концерта, баба Лиза вдруг обратила к нему свое лицо и как-то странно посмотрела ему в глаза. С таким выражением, что Натана пробрала дрожь. Почувствовал, что не игра «изюминки», а божественные звуки Шопена коснулись ее души, встревожили в ней что-то тайное, быть может, вернули в прошлое или приоткрыли что-то в будущем. Наверное, целую вечность она смотрела на Натана, даже не вытирая слез со своих напудренных щек. Этот день не забыть.

Концерт, однако, закончился, звуки стихли, слезы на щеках бабы Лизы высохли. Жизнь побежала дальше, своим чередом.

Можно попытаться объяснить и с точки зрения психологии, почему в сердце Елизаветы Марковны было так мало места для внука: он ей напоминал ее первого мужа, и не только внешне.

Дед Натан тоже был из категории «ищущих». Выучился на архитектора, но почему-то всерьез увлекся театром, даже поставил какую-то пьесу. Театр, однако, закончился двадцать второго июня сорок первого года. Через два дня в Вильнюсе начались расстрелы евреев, еще стихийные, а уже через неделю в Понары поехали набитые евреями грузовики, охраняемые автоматчиками...

Елизавета Марковна успела уехать с четырехлетней дочкой (будущей мамой Натана) за день до оккупации Вильнюса, а ее муж остался. Хоть и мог уехать вместе с ней. По ее словам, он собирался организовать подполье и воевать. Романтик!

Упоминая своего первого мужа, Елизавета Марковна всегда печально и, как казалось Натану, с некоторым укором качала головой. Порой называла его «несерьезным, непутевым человеком». Мол, кому была нужна его смерть? А согласись он уехать с нею. Может, тогда бы уцелел...

Интересно, что еще с детства, ничего не зная ни об иудаизме, ни о Каббале, утверждающей, что возвращаются и вселяются в новые тела души тех, кто по какой-либо причине не смог исполнить свою миссию на земле, Натан всегда чувствовал в себе присутствие некоего другого, – чьей-то иной, очень родной, но все же не его собственной души. С годами, правда, это чувство стало притупляться...

Так вот, возвращаясь к психоанализу: Натан-внук напоминал Елизавете Марковне ее «непутевого» первого мужа, которого она, несмотря на свои последующие два брака, продолжала любить. Два ее других мужа были людьми «путевыми», положительными: один – замначальник таксопарка, второй – директор ателье по пошиву одежды. Оба умерли относительно рано, от болезней. И бабе Лизе, словно преследуемой злым роком, пришлось трижды овдоветь. За несколько лет до эмиграции в Израиль она познакомилась и съехалась с отставным полковником артиллерии, ветераном войны, весь китель в орденах. Но дети полковника уезжали в Америку и утащили папу с собой, несмотря на все его мольбы оставить его с «Лизочкой».

Она никогда не снимала золотого перстенека с маленьkim рубином с безымянного пальца левой руки. Как вдова. При всей своей любви к ювелирным украшениям, будучи в новых браках, никогда больше не носила обручального кольца. И взятую себе фамилию деда Натана тоже не меняла. И свадебную их фотографию всегда держала в рамочке, на видном месте. И никаких других фотографий с «путевыми мужьями» Натан никогда у нее не видел.

Внук Натан в глазах Елизаветы Марковны тоже был несерьезным и непутевым. На такого нельзя положиться. Такие либо бессмысленно погибают, либо попадают в тюрьму.

Она извечно подозревала Натана в умыслах совершить что-то неблаговидное. Как будто отодвигала шторку его души и заглядывала внутрь: «Ну-ка, ну-ка, сейчас посмотрим, что там за чертовщинка». Отдадим ей должное: всегда безошибочно угадывала, когда внук симулировал болезни, чтобы пропустить школу, когда (как бы сказать помягче) заглядывал в родительские кошельки и находил там «лишнюю» мелочь, в каких «нычках» прятал сигареты. Все это его чертовски раздражало. Такая слежка! Такая подозрительность!

Когда в девяносто первом крохотная Литва вырвалась из Советской империи и по старой брусчатке Вильнюса пошла бронетехника, а Вильнюсский ОМОН и снайперы на крышах по приказу из Москвы открыли огонь по мирным жителям, баба Лиза примчалась в дом и стала требовать, чтобы родители немедленно заперли все двери и окна: «Он же пойдет к телебашне и там погибнет! У него есть оружие, он где-то прячет оружие!» – кричала она, как всегда верно угадав планы Натана, тогда второкурсника университета. Насчет оружия, правда, ошиблась, где он мог его взять? Но к телебашне пошел...

А может, причина их взаимной нелюбви в том, что они с бабой Лизой из разных миров? Натан – друг свободных муз, а Елизавета Марковна – бухгалтер – слуга холодных цифр. Сытый голодного, как говорится.

В любом случае, в своем сердце Натан всю жизнь носил обиду на бабу Лизу. И оттого, что бабушка осталась одна в Израиле, в доме престарелых, за собой никакой вины не чувствовал. Она ведь столько отдала не ему, а внучке: помимо любви – и квартиру ей свою, когда Светка вышла замуж, и деньги ей всегда подбрасывала, и помогла Светке поднимать на ноги ее детей. И рояль.

* * *

Бабу Лизу он, конечно, проведает. Но более важно – разузнать про возможность для них с Аней иметь ребенка. Ведь все не так просто: придется получить израильское гражданство, оформить медстраховку, найти больницу, где такое делают, – детей в пробирках. А как быть с жильем? С работой? С языком? Неужели снова куда-то ехать, все начинать заново?

Вот так: одному Бог дает детей, другому нет. У Светки уже третий родилсяся, причем незапланированный. В каждой стране – по ребенку: первый – в Литве, второй – в Израиле, третий – в Канаде. Аня же на что только ни согласна, чтобы стать матерью. А не дает Бог.

…Не так давно они с ней вошли в кабинет очередного акушера-гинеколога, известного в Нью-Йорке специалиста в этой области. Даже не выслушав их до конца, врач-светило придви-нулся к себе лист бумаги и калькулятор. И погнал стучать по кнопкам, говоря, за какую проце-дуру даст скидку и на сколько процентов, а за какую – скидку не даст. И все записывал цифры столбиком, складывал, вычислял проценты. А столбик рос, рос, становясь колонной, и линзы очков знаменитого врача поблескивали.

В конце приема вручил им лист с окончательной суммой, от которой у обоих потемнело в глазах. Просил не задерживать с ответом, потому что у него – очередь, все расписано на полгода вперед.

На улице Аня расплакалась. А Натан, рассердившись, вернулся обратно, вошел в кабинет того врача-бухгалтера и разорвал бумагу с калькуляцией перед его носом. Деньги деньгами, но ведь нельзя же так – откровенно, не колбасой же все-таки торгует!

Чувства их объяснимы. Но проблему это никак не решило.

Съездили с Аней и на могилу известного хасида – ребе Шнеерсона, что на кладбище в Квинсе. Считается, что дух великого Любавичского ребе может творить чудеса. Нужно оста-вить на могиле записку и помолиться. Говорят, что свои просьбы по факсу и по электронной почте туда шлют евреи со всего мира. Сотни просьб в день!

На кладбище, возле склепа, находится и небольшой дом, где факс и компьютер, прини-мающий онлайн просьбы. В том же доме – молельня и столовая. Как это часто у евреев – все в одном месте.

…Вдвоем с Аней они вошли в тот склеп. Несмотря на поздний вечер, там было немало «посетителей», мужчин и женщин разного возраста. Натан написал свою просьбу и бро-сил бумажку поближе к надгробному камню, у которого лежало много свернутых бумажек. Собрался уходить. Аня покрыла голову косынкой, взяла в руки молитвенник.

И так она была прекрасна в своем отчаянье, в своей мольбе, что, глядя на жену, Натан даже как-то по-новому полюбил ее. Подумал тогда, что ради нее готов ехать не только в Квинс, на кладбище, а к черту на рога.

Кстати, Аня еще молилась, а Натан в соседнем доме уже пил водку «Смирнофф» с хаси-дами. У них, оказывается, был какой-то праздник. А если у евреев праздник, то нужно петь и гулять, хоть на кладбище. Выйдя из склепа, задумчивая Аня нашла своего мужа подвыпившим,

танцующим в обнимку с хасидами. Все дружно приседали, выкидывали коленца и задорно выкрикивали: «Мошиах! Мошиах!..»

Да, дух Любавического ребе помог хорошо повеселиться в тот вечер... Но с ребенком – увы, никак. И денег на новые медицинские эксперименты у них уже не было.

А годы-то идут. Ане уже – тридцать восемь. Будильник «тик-так, тик-так». Аж в ушах гремит.

Глава 3

Елизавета Марковна могла уехать в Канаду вместе с родными, но она сама решила остаться в Израиле. Попросила помочь ей сложить и отнести в дом престарелых вещи.

Странно, конечно: дочка, зять, внуки, правнуки. И как бы никто не виноват в том, что бабушка осталась одна. У всех свои уважительные причины, всех можно понять. Но так и напрашивается: баба с воза...

Объясняя такое свое решение, баба Лиза уверяла, что в доме престарелых ей смогут обеспечить приемлемые условия жизни, нужный уход, медобслуживание и т. д. Но помимо этого, как бы официального, существовало и другое объяснение – истинное: Елизавета Марковна жалела свою дочку и внучку, не хотела им там, в Канаде – на новом месте и в чужой стране, стать обузой. И хоть была женщиной капризной, требующей повышенного внимания к своей персоне, когда необходимо было сделать тяжелый, страшный шаг – отрезать по живому, Елизавета Марковна этот шаг делала. Она была человеком поступка. Реалистка по натуре, иллюзий не строила, знала, на что идет, выбрав для себя дом престарелых.

Она любила повторять: если нужно, настоящая женщина должна уметь закрывать свое сердце.

Мама, конечно, испытывала из-за этого угрызения совести. Извинялась и перед Натаном, говорила, мол, бабушке там будет лучше. Раз в году потом ездила ее проводывать в Израиле, на недельку или на две.

Натан очутился в Америке, еще когда вся семья оставалась в Литве. Светкин муж в Вильнюсе открыл свою компьютерную фирму, бизнес пошел, ни про какую эмиграцию он и слышать не хотел.

А Натан поехал в Нью-Йорк по студенческой визе, с четвертого курса филологического факультета. Улетал не навсегда, только на год. Но смутное предчувствие, какая-то неопределенная, почти фантастическая мысль, что он останется в Америке, бродила в душе.

Вскоре на Светкиного мужа в Вильнюсе наехали, потребовали денег и «поставили на счетчик». В Израиль им тогда едва ли не бежать пришлось. Но в Израиле им упорно не нравилось, и через некоторое время они перебрались в Канаду.

Так и разлетелись по всему свету...

Раз в году Натан звонил в Израиль, поздравлял бабушку с днем рождения. Она совершенно не знала и не могла знать его жизни в Америке. А он и не пытался ее посвятить в это. Спрашивал то, о чем обычно спрашивают у стариков: как спиши? как аппетит? что болит? Через несколько минут, когда список этих традиционных вопросов приближался к концу, Натан мысленно подбирал слова прощания, напоследок желал бабушке здоровья, обещал звонить почаше. Случалось, правда, что забывал поздравить бабу Лизу даже с днем рождения. Тогда мама звонила ему из Канады и журила, мол, нехорошо – бабушка обижается.

Глава 4

До сих пор он никогда не бывал в домах престарелых. Не приходилось. Сейчас ожидал увидеть что-то мрачное, удручающее.

Ничего подобного! Никаких тебе темных комнат и плотно задвинутых штор.

В просторном, светлом зале за столиками сидят старички и старушки (старушек приблизительно вдвое больше, статистика, стало быть, не врет – век мужчин короче женского). Играют в карты, читают, разговаривают. Смотрят телевизор. Ухожены, причесаны.

И за одним столом, лицом к входной двери, – баба Лиза. Почти не изменившаяся за пять последних лет. Поразительно, Елизавету Марковну в ее восемьдесят восемь лет можно было бы легко узнать по фотографиям пятидесятилетней давности. Есть такие лица – неменяющиеся. Правда, такая неизменяемость часто относится к типу лиц грубых, словно отесанных рубанком.

А вот у Елизаветы Марковны черты нежные. Над ее лицом природа работала не рубанком, а тонкими ювелирными пилочками, бережно снимая каждую лишнюю крошку, чтобы добиться такой красивой покатости лба, широкого разреза глаз и мягкого подбородка. Разве что носик ее был чуточку смешной – гулькой.

Ее лицо, конечно, сейчас было в морщинах, но совершенно не дряблое. Очаровательный бантик губ. Правда, из-за старости нижняя губа стала выдаваться вперед, отчего лицо приобрело выражение некоторого недовольства. Зато глаза, которые Наташа всегда сравнивал с двумя спелыми вишнями, оставались невыцветшими, даже при наличии искусственного кристаллика в одном из них и периодического конъюнктивита.

Волосы ее были совсем седы. И не завиты. До сих пор не мог себе представить бабу Лизу с неокрашенными волосами и без перманента.

О-о, эти красивые слова из мира женщин! Слова, некогда вылетавшие из уст бабы Лизы и почему-то сильно волновавшие сердце мальчика-Наташи одним своим звучанием: маникюр, косметика, ателье, фасон…

Елизавета Марковна – она, и никто другой, даже не мама, которая своей внешности уделяла мало внимания, – когда-то открыла Наташу этот чарующий мир, где женщины – в перманенте, в маникюре, в фасоне. Одно время он путался и не мог разобраться в значениях этих волшебных слов.

Баба Лиза – в велюровом платье из ателье, с каштановыми пышными волосами, хоть и ходила смешно на своих коротких ножках, врывалась прекрасной дамой в мир Наташи-внука.

А за нею семенил муж – какой-нибудь несчастный замдиректора.

Чем-то они – ее мужья, официальные и гражданские, невзирая на все различия, были похожи. По крайней мере, в одном были совершенно одинаковы: напоминали ее слуг, пажей из ее свиты. И эта сторона бабушкиной натуры для Наташи всегда оставалась самой загадочной.

Мужья Елизаветы Марковны безропотно сносили все ее капризы. Казалось, что им было даже в радость, нестись, скажем, в магазин, в семь утра, чтобы «купить Лизоньке свежий творожок». И если баба Лиза находила этот творожок несвежим, а такое случалось не однажды, то мужу приходилось отправляться в поход «за свежим» едва ли не по всему городу.

Все мужья одинаково называли ее «Лизонькой» или «Лизочкой». Смотрели на нее, как на божество, снизу вверх, хоть она была и низенького роста. Сами делали уборку квартиры, занимались хозяйством. Помнится, ее последний гражданский муж – отставной полковник артиллерии, на старости лет даже начал писать стихи, все посвященные «Лизоньке». Трудно было поверить, что бывший военный, всю жизнь читавший только газеты и уставы воинской службы, ну, может, еще какие-то полунаучные статьи о баллистике, полете снаряда, вдруг разразился лирикой. Причем, сочинял это не для «публичных чтений», а только для Лизочки. Просил, чтобы она никому из родных и близких об этом не говорила…

Чем же она так очаровывала этих мужчин? Какому гипнозу их подвергала? Однажды Натан заметил, как Мирон Сергеевич, муж-директор ателье, проходя за спиной бабы Лизы, сидящей за столом, вдруг остановился и бережно смахнул с ее плеча пушинку, влетевшую с улицы через окно! Буквально по поговорке: сдувать с нее каждую пылинку, как с королевы.

Но когда приходила беда, она вставала со своего трона, снимала корону, отставляла в сторону свой «творожок» и, закатав рукава по локти, как последняя батрачка, начинала ухаживать за больным мужем. Сама и бегала по магазинам на край Вильнюса, и тратила, не считая, деньги на врачей и лекарства, и вылизывала до блеска квартиру, и выводила больного гулять, крепко держа его под руку, как бы трудно ей это ни давалось. Жила только мужем, им одним, лишь бы вырвать его из лап болезни. Вела борьбу с завидным упорством...

* * *

Сейчас она сидела в кресле-каталке, положив правую руку на бедро, где в месте поломанной кости теперь был вставлен титановый штырь и наложены швы.

Она сразу узнала его, увидев еще издали идущим по коридору с букетом цветов. Слегка приподняла голову и сняла очки.

– Здравствуй, бабушка, – наклонившись, поцеловал ее в щеку.

– Здравствуй. Вот стул, садись, – она указала на стоящий рядом стул. – Не думала, что ты приедешь. Не ожидала.

– Я тоже, если честно, не собирался. Но все-таки решил тебя проведать.

– Спасибо... Надо же было такому случиться, а-ах!.. Шла по коридору, вдруг закружилась голова, в глазах потемнело, и я – на полу, с поломанной ногой. Отвезли в больницу. А в тот день был теракт, в больницу привезли раненых. Поэтому мне пришлось еще и ждать до ночи, пока прооперировали всех тяжелых... Нужно куда-то поставить цветы. Су-ра! Су-ра! – позвала она, и через несколько минут возле них стояла медсестра.

– Это мой внук Натан. Помнишь, я тебе рассказывала о нем. Дай нам какую-нибудь вазу для цветов.

– Сейчас что-нибудь найдем. Здравствуйте, – поприветствовала она Натана. – Вы молодец, что приехали, не побоялись. В такое-то время – второй теракт за месяц!

Вскоре на столе стояла ваза с цветами. Глаза почти всех старииков и старушек в зале с завистью и любопытством устремлялись на них: на бабу Лизу с внуком и на цветы.

– Ты надолго приехал?

– Не знаю, у меня открытый билет. Думаю, недели на две, может, чуток побольше.

Она умолкла. Поглаживая свой напудренный подбородок, смотрела перед собой. Пытаясь охватить умом услышанное. Такая сложная категория времени с его относительностью: две недели! Это же так долго – как два столетия! Или же: так быстро – как два мгновения...

– Что ж, увидишь, как живет твоя бабушка-калека. Теперь я навсегда прикована к инвалидному креслу. Зачем нужна такая жизнь, если тебя возят на каталке? Ой, как болит!

– Ладно, не плачь. Дасть Бог, еще встанешь.

– Нет, нет! Все, песня моя спета... – достала из кармана белый носовой платочек и поднесла его к глазам.

Чтобы не видеть ее плачущей, Натан отвернулся. Ему стало неловко. Причтания бабы Лизы – не новость для него. Но всегда знал: если понадобится, она соберет волю в кулак и, «закрыв свое сердце», совершил любое чудо.

Но в этот раз баба Лиза явно не шутит. И вообще, сейчас он не узнавал ее – какая-то безвольная, надломленная, жалкая.

– Как ты живешь? Чем занимаешься? – спросила, немного успокоившись. – Помню, что одно время ты работал переводчиком.

– Да, всякое довелось попробовать. Работал и судебным переводчиком, и журналистом на радио «Свобода». Но все это позади. Теперь я – писатель, в Америке и в России издают мои книги.

– Гм-м… Все-таки добился своего. Честно сказать, я всегда сомневалась, что писательство для тебя – серьезно. Считала, что у тебя ветер в голове и что ты не найдешь свою дорогу в жизни. Твой отец, помню, советовал, чтоб ты пошел по его стопам и стал педиатром. Но ты никого не слушал. А где твои книги? Почему ты их не принес? Завтра же принеси! Фейга, – обратилась она к сидящей рядом старухе с всклокоченными волосами. – Это мой внук – Натаан Армель, известный писатель. Ты, Фейга, себе не представляешь, какой он одаренный. Книги всегда читал – запоем. Помню, как еще ребенком залезал ночью под одеяло с фонариком и читал. Он всегда верил тому, что написано в книгах, поэтому с ним всегда случались всякие приключения, – говорила она громко, чтобы слышало как можно больше присутствующих в зале.

И вправду – многие старушки и старички жадно ловили слова бабы Лизы и все так же пристально смотрели на Натаана. Вероятно, знали, что к бабе Лизе приезжает внук из Нью-Йорка. Но то, что он – известный писатель, для них было новостью.

Фейга, закивав головой, промолвила:

– У меня тоже есть сын. Он – ученый, математик. Работает в Иерусалимском университете. Сейчас он очень занят и не может прийти ко мне. Но скоро придет, и я вас познакомлю. Вы обязательно должны с ним познакомиться.

– Потом, потом будешь рассказывать про своего сына, – перебила ее баба Лиза. Обратилась снова к Натаану. – А как в Америке поживает твоя жена?

– Аня работает помощником адвоката. Живем с ней – душа в душу. Все бы хорошо, жаль только, что детей у нас нет. Не получается. У Светки, вон, видишь, уже третий родился, канадец. А у нас и одного нет… – подумал, стоит ли посвятить бабу Лизу в их планы возможного переезда в Израиль.

Елизавета Марковна вперила в него строгий взгляд:

– Аня делала аборты?

– Нет. Правда, не вру…

Она пожала плечами:

– Что делать? Нужно надеяться и просить Бога. Может, даст.

Помолчали.

Приблизительно часа через два Натаан собрался уходить. За это время он и в комнату бабы Лизы успел заглянуть. И отвез ее в кресле-каталке в столовую. Поговорили о родных в Канаде. Что еще?

– Ладно, ба, я пошел. Увидимся завтра.

– Побудь со мной еще немного. Хоть полчаса, – тихо попросила она. – Пожалуйста…

Глава 5

В течение недели Натан побывал в больнице, где делают искусственное оплодотворение, зашел и в агентство, которое занимается новыми иммигрантами.

В целом, все выглядело вполне осуществимым. Операции по искусственному оплодотворению в Израиле делают – точно такие же, как и в Штатах. Но, в отличие от Америки, где эта процедура стоит тысяч семьдесят, а то и больше, в Израиле для граждан это делают бесплатно. Гарантий на успех никто не дает и здесь, но показатели высокие, не ниже американских.

Им вдвоем с Аней переехать и стать гражданами Израиля, формально никаких препятствий нет. У Ани – отец русский, мать – еврейка. Согласно законам иудаизма, Аня – еврейка.

Короче, приезжайте на историческую родину, получайте гражданство. И хоть на следующий же день идите в больницу обследоваться. Плюдитесь и размножайтесь, как повелел Все-вышний. Хоть и в пробирке, какая разница?

…Натан ходил по улицам маленького городка Афула. Пил кофе. Покупал знаменитые афульские, говорят, самые вкусные в мире, семечки.

Любовался видами Изреельской долины. Днем над долиной парили дельтапланы, взлетающие с вершин Галилейских гор в небеса, туда, где реют ястребы.

Неповторимая картина – стаи кружящихся аистов у горы Фавор.

Эта знаменитая гора хорошо видна из многих мест в Афуле, даже из окон в комнате бабы Лизы. До Фавора из города можно дойти пешком приблизительно за час. Гора усажена старыми туями и кипарисами; издали она имеет вид высокой темной шапки идеально округлой формы, как бы чуточку приподнятой над землей.

Почему-то притягивает к себе эта гора все вокруг: и завороженные взгляды людей, и парящих птиц, и облака. Соединенные над вершиной кольцом, облака сгущаются и медленно оседают, окутывая всю гору, до самого ее основания. И, кажется, что никуда уже не уплывут…

Стоя на одном из холмов, Натан часто любовался и видами ночной долины, в голубых огоньках арабских поселков.

А на рассвете, в половине пятого, с минаретов муэдзины созывали правоверных к молитве и заунывные звуки: «Алл-ла-а… ак-ба-а-а…» разносились окрест. Жители города, наверное, привыкли к этим утренним стонам и спали, никак на них не реагируя, а бедный Натан просыпался и после этого заснуть уже не мог.

Он принимал душ, одевался и отправлялся бродить по улицам.

Тяжелыми листьями хлопали пальмы. Гигантские кактусы были изрезаны какими-то надписями на иврите и русском.

На утреннюю молитву в синагоги шли хасиды в черных лапсердаках и шляпах, неся под мышками книги и мешочки с молитвенными принадлежностями. Семенил в мечеть мусульманин, в халате и феске, шлепая сандалиями по пыльной дороге. Солдаты в зеленой униформе и полусапогах, позевывая, выходили из подъездов домов, шли к автобусным остановкам, волоча автоматы и вещмешки.

В который раз Натан пытался представить себя, живущим в Израиле. Пытался вообразить, как они переедут сюда с Аней. Снимут квартиру, обязательно окнами на Фавор. Чтобы из его кабинета была видна и долина в рассеивающемся тумане, и стаи птиц в небе, и облака, обволакивающие горы.

И пусть по утрам стонет муэдзин. И бьют колокола в соборах. И частенько воют сирены полицейских машин. И круглые сутки гремит музыка в домах арабов и горских евреев. И в магазинах обсчитывают. И безбожно обманывают таксисты…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.